

- ¹ Н.К. Дмитриев. Двойные согласные в тюркских языках. Исследования по сравн. грамматике тюркских языков. Ч.1. Фонетика. М. 1955. С. 262.
- ² См.: Ф.А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент. 1967. С. 125.
- ³ А.М. Щербак. Сравн. фонетика тюркских языков. Л. 1970. С. 104.
- ⁴ Ф.А. Абдуллаев. С. 130-131.
- ⁵ А.Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования в узбекском языке. 1958. С. 126.
- ⁶ А.М. Щербак. С. 104.
- ⁷ Там же. С. 137.
- ⁸ Ф.А. Абдуллаев. С. 131.
- ⁹ Т.И. Гаджиев. О происхождении геминат в тюркских языках. Сов. тюркология. 1970. № 6. С. 26-27.
- ¹⁰ Ф.А. Абдуллаев. С. 129.
- ¹¹ См.: А.М. Щербак. С. 137.
- ¹² См.: Г. Айдаров. язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата. 1971.
- ¹³ Ф.А. Абдуллаев. Указ. соч. Стр. 129.

Харькова С.С.

К вопросу о пограничном маркере в монгольских языках

В результате проведенного анализа было выявлено, что полугласный *j* (см. Н. Поппе Грамматика), произносившийся в некоторой степени близко к шумным промежуточным звукам, возможно, в языке древних нес функцию морфологического отграничителя морфем-понятий друг от друга, являясь по сути пограничным знаком (маркером) на стыке морфем-понятий в слове, что указывает на то, что морфологический строй языка понятий древнего человека (прототип этноса – носителя прамонгольского языка) был необычайно совершенен с точки зрения его организации в слове-понятии. В письменно-монгольском он фиксируется как неслоговой компонент дифтонгов в абсолютном конце слова. В современных языках он давно утрачен и может быть установлен только путем реставрации основ языка понятий древнего человека. Реликтовое он сохранился в немногих случаях, указывая на то, что он впоследствии развился в среднеязычный шумный проточный *j*. Возможно,

так называемый перелом гласного *i* был в свое время спровоцирован исчезающим пограничным маркером, еще частично присутствовавшим в языке. Вообще исчезновение пограничного маркера происходило, вероятно, первоначально в условиях тотального ослабления напряженности артикулирующих органов еще в языке понятий древнего человека, что было связано, очевидно, с психофизиологическими изменениями, происходившими в организме древнего человека на переломе зарождения современного *homo sapiens*, см. II главу монографии автора «Этнокультурная лексика монгольских языков в связи с проблемой алтайской языковой общности» (рукопись), а также № 1 рубрики «Металлы» I главы. Остававшиеся рефлексy, подвергаясь действию данной тенденции время от времени, повлекли в дальнейшем за собой кардинальную перестройку морфологической системы языка: различные ассимилятивные и диссимилятивные процессы, а также исчезновение гласных после согласных в аффиксах. Косвенно на данное обстоятельство указывает так называемое старое правило в старописьменно-монгольском о мнемоническом словосочетании для запоминания семи согласных (м, н, г, л, б, в, р), после и перед которыми пишется неясно слышимый гласный. Также то, что в письменно-монгольском в конце и середине слова написание *j* и *i* идентично. Возможно, именно присутствие пограничного маркера на стыках морфем-понятий в слове изначально препятствовало появлению в непервых слогах лабиализованных гласных, так в письменно-монгольском *o* и *ö* встречались только в первом слоге. Возможно *u* и *ü*, представленные в письменно-монгольском в непервых слогах, есть следствие развития гласного *a*, сопровождавшегося в свое время пограничным маркером. Очевидно, пограничный маркер в односложных и многосложных словах после гласных, в частности после *a*, сохранялся настолько долго, что его рефлексy в данном ряду слов оказались закрепленными и в современных монгольских языках на срезе письменно-монгольского, ср. ОА 28 ауї (До., Дз., Т., О., Ва., Kho.) «пологий, покатый», письменно-монгольский ауuu, ОА 28 ауї (Дз., У.) «направление, сторона», То. ауuu, ОА 28 ауї (До., Дз., Т., О., У., Ва., Kho.) «вдоль», То. ауuu < *aḷ,ḷaḷ > aḷ,ḷuḷ > aḷ, uḷ > ауuu. Данные примеры подтверждают, что письменно-монгольский, впервые в истории зарегистрированный в рамках исторической хроники «Со-

кровенное сказание», имеет более глубинные истоки, поскольку именно в нем уже фиксируются определенные традиции письменности, отразившиеся в некоем наборе фонетических приемов передачи живого языка того времени, поскольку монгольские диалекты того времени были весьма неоднородны и различались прежде всего тем, что в одних диалектах так называемый древнемонгольский комплекс ГСГ во многих словах сохранялся, а в других был частично разрушен, представляя собой дифтонги. Поэтому писцы, будучи знакомы, вероятно, с немалым количеством текстов, взяли за образец все ту же норму передачи языка, когда бы данный комплекс также передавал дифтонги живого языка, развившиеся из него же, т.е. тогдашние писцы могли слышать разные образцы произношения, где комплекс ГСГ сохранялся, что косвенным образом подтверждает их принадлежность к домам правящих кругов монгольских племен, т.е. они, очевидно, представляли собой некий круг лиц, напоминающий своим образом жизни кочующих сказителей, которых могли приглашать от одного правящего дома к другому тех или иных монгольских племен, языки которых несмотря на свое единообразие были все же достаточно разноликими. Более того, современные монгольские народы, являющиеся сколком бывшего монгольского массива, костяк которого в прошлом составляли монгольские племена, вошедшие в Большую историю человеческой цивилизации под именем гуннов, после исхода которых таковыми были, очевидно, сяньбийцы и жужане, также, вероятно, ушедшие из Центральной Азии в неизвестном направлении, в силу каких-то исторических обстоятельств, возможно, связанных с периодом выхода на историческую арену тех или иных тюркских племен, создания ими нескольких каганатов вслед друг за другом в отсутствие монгольской гегемонии, потеряли не только былую мощь в силу необычайной их малочисленности, но и претерпели значительные изменения в своем укладе жизни, что неминуемо отразилось и на их образе жизни. Следствием данных перемен стало добровольное отхождение оставшихся в Центральной Азии монгольских племен от тюркских племен, и, чтобы самосохраниться, они, очевидно, также отделились друг от друга на значительные расстояния, чему пример государство киданей 10 – 12 вв. И именно эти племена, не построившие сразу своей исконной государственности, были после-

дними, кто в лице Чингис-хана явил миру последний выброс энергетики, присущей когда-то данному этносу. И то, что кидане в качестве своей письменности избрали тот алфавит, который и до сих пор оставляет киданьское письмо недешифрованным, отвергнув, вероятно, прежний, или точнее прежде им знакомый некий ряд разновидностей алфавита, свидетельствует о том, что монголы относились к тем или иным знакам письма в зависимости, очевидно, от характера проживаемой или прожитой ими жизни в пространстве и во времени. Т.е. знаки письма, вероятно, рассматривались ими как некий набор магии, предопределяющий их будущность. Представляется, что монголы были знакомы с руническими знаками письма, в данном случае тех письмен, которые известны как оронхо-енисейские, в высшей степени приспособленные для наскального изображения, в отличие, например, от манихейских знаков, а тем более тех знаков, которые известны как уйгурские. Иными словами, в случае с киданями имела место, вероятно, психологическая мотивация народа, которая решила выстраивать свою жизнь как бы с нового листа, не будучи связанной с неким грузом прошлого, который в своей основе был негативен. Другие же племена, например, известные в истории керенты и найманы, практиковали так называемые уйгурские знаки, которые, возможно, напоминали им их былое превосходство над тюрками, хотя данные племена как будто бы в свое время приняли христианство, и может быть именно в силу данного обстоятельства им были бы более близки манихейские знаки. Но вместе с тем письменность как таковая у данных племен, видимо, не имела широкого распространения в силу того, что они, в отличие от киданей, не могли когда-то объединиться, чтобы выстроить некую единую государственность. Причиной данного обстоятельства могло быть лишь то, что данные племена, не объединившись сразу, не смогли объединиться позже по той причине, что они всецело перешли к кочевому образу жизни, который сам по себе не способствует созданию некоего государства как такового, например, по типу киданей, но при этом возможен тот феномен, который известен как Монгольская империя Чингис-хана. Несмотря на малочисленность монгольских племен Чингис-хану удалось прежде всего покорить тюрков-кочевников, а уже с помощью их создать Великую империю монголов. Вышеприведенные примеры, см. п.-монг. ауш, свидетельствуют о том, что писавшие по-

монгольски на старописьменном языке воспринимали конечный Г̣ в ряду ГГ как один знак, передающий один долгий звук. В силу того, что писавшие, несмотря на то, что они следовали закрепившейся традиции передавать дифтонги, в данном случае недостаточные, через определенный фонематический прием, тем не менее отражали живой язык достаточно точно, поскольку пограничный маркер после гласного может давать долгий гласный, ср. монг. заа «ладно, хорошо; ну, итак», п.-монг. ja, jaɪ и т.д. Цитируемые случаи указывают на то, что слышимые дифтонги впоследствии стали передаваться через комплекс ГСГГ, т.е. пограничный маркер в начале слов после гласных, развившийся в языке уже в среднеязычный звонкий щелевой спирант j и сопровождающий его долгий гласный. Слова, начинающиеся с j в современных монгольских языках показывают, что пограничный маркер может предшествовать гласному, за которым он изначально следовал. В выраженно двухсложных же словах бывший пограничный маркер, следовавший сразу после гласного, передавался через комплекс СГ в ряду ГСГ, напр. ХА 41 ayâta I (Ткха., Окха.) «примерно так, в таком духе; таким образом», ayâta II (El., Go.) «что делать», ayâta III (Ткха.) «красивый, приятный; привлекательный» п.-монг. yatai, ср. также ХА 41 ayi (U.) аян «1. путешествие; 2. караван» п.-монг. ауап, также см. ОА 27 ауаг «вечер, вечером, поздно», Тодаева 108 айл «1. айл, группа юрт; 2. семья, семейство; юрта, дом, двор, хозяйство», хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хорч., тум., ел, шгол., удаб., чах. аел, п.-монг. ауил, айлчин «гость, гости» хорч., джал., дурб., горл. елшн, архорч., бар., онн., найм. елч, п.-монг. ауилси, айлда – «1. изрекать; 2. соблаговолить, соизволить» хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., харч., тум. елда -, шгол., удаб., чах. аелад -, п.-монг. ауилад - .

Литература:

1. Амаржаргал Б. Монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. Улаанбаатар, 1988.
2. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
3. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Материалы и словарь. М., 1981.
4. Цолоо Ж. Монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. Улаанбаатар, 1988.